

Театр Леонова — это умение думать, молчать на сцене, умение вести диалог философский, острый.

Возьмите любую его пьесу: «Половчанские сады», «Нашествие», «Золотая карета», «Метель». Здесь ничто не лежит на поверхности: за вторым планом — третий и дальше, дальше, только копай.

Произносить его слова на сцене непросто. За ними — всегда схватка, неожиданные повороты. За его словом — борьба сложностей, точная лепка характеров, необыкновенное чередование событий. А за всем этим в итоге — удивительная влюбленность в Родину, удивительная.

Драматургия Леонова — это огромный заряд доброты. Он знает, что надо ненавидеть с огромной силой. Но когда любит Леонов — это всегда любовь большого сердца.

Любит Родину, любит человека Родины, ее природу, ее древнее и настоящее.

Театр Леонова — это театр философа, патриота, который напоминает нам, что только большая литература — только большая! — способна держать наш советский театр на высокой волне.

Театр Леонова имеет одну поразительную закономерность: он не может существовать в одном ряду с

Есть два театра. В одном актер работает вроде взволнованно, напряженно, воодушевленно, а зрительный зал спокоен; и другой, где актер работает скупой, все загнал внутрь, а идет огромный внутренний процесс. И в результате — напряженный зал. Таков театр Леонова.

Поразительны у него паузы. Молчание его героев наэлектризовано предельной мощью мысли. Удивительны его ремарки. Не знаю, с чем можно сравнить по силе воздействия броские замечания, рассыпанные им по пьесе «Нашествие».

У этого художника диалог с залом сложный — через массу опосредствований. Вот уж настоящий исследователь человека на самых важных поворотах его жизни!

Театр Леонова — это во многом история нашей Родины в минуту ее огромных духовных взлетов и трудных испытаний.

Театр Леонова — это высокая честность в искусстве.

Леонов ясен. Но его ясность — сложная ясность.

Если леоновская драматургия требует сравнения с музыкой, а режиссера позволительно сравнить с дирижером, так уж будь добр, разберись в ее партитуре и не пытайся исполнять симфонию на балалаике. Но даже дотошное следование нотам — еще не гарантия, что зазвучит музыка, равная по мощи той, которая живет в сердце этого большого художника.

Леонова трудно ставить, трудно играть. Но к его творчеству тянется народ, его любит и знает страна. И если он идет сегодня не так часто, то это не беда Леонова, а беда нашего театра. Значит, мало чувствуем в себе сил, чтобы поднять такую громаду. Это большое наше богатство, которым театр не умеет еще вполне пользоваться.

Мы все — коллектив Малого театра — радуемся тому, что в этом году два таких счастливых юбилейных совпадения: Леониду Максимовичу — 75 лет, а Малому театру — 150. Все мы низко кланяемся вам за то многое, что вы вложили в работу Малого театра.

Я глубоко убежден, что на советской сцене будет всегда идти русская классика и — Леонов. Будут возвращаться и возвращаться к партитурам его пьес — ноты те же, но зазвучат они по-новому.

И если нам нужны образы емкие, сложные, если нужна удивительная по силе, глубине и точности созвучия с жизнью борьба больших характеров, если все это нужно советскому театру, то да здравствует наш современник Леонид Максимович Леонов — прозаик, драматург, философ, публицист, да здравствует сегодня и всегда!

Фото А. Устинова.

люди искусства

СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

Борис РАВЕНСКИХ,
народный артист СССР

Существует в нашем советском искусстве такое особое понятие — счастливое, трудное и прекрасное — леоновский театр.

Каждому, кто берется за работу над его драматургией, надо крепко знать, что это театр художника, за каждым произведением которого чувствуется школа великой русской литературы в живой и развивающейся традиции — школа Достоевского, Толстого, Горького.

Театр Леонова — это, конечно же, прежде всего удивительный язык. Узнаваемый, подслушанный в народе язык самой жизни, он никогда не опускается до жаргончика, к которому подчас прибегают для достижения большей достоверности. Меткий, точно отобранный, художественно завершенный, он создает фразу, каждая из которых сама по себе настоящая литература.

Слово его никогда не бывает произнесено всуе. Насыщенное действием, оно всегда событие, всегда несет острую мысль.

Удивителен мир этого человека: чело ни коснись, все знает — и что такое настоя-

щая музыка, и живопись знает прекрасно. Впитав в себя и русскую, и советскую литературу, все лучшее в ней, он и себе позволяет писать только о том, что крепко знает. И прежде чем рассказывать о герое, поступках его, изучит, просветит его со всех сторон — сорок разведок сделает в его духовный мир и только потом даст ему «добро» на жизнь в драматургии.

Вот почему, когда репетируешь пьесы этого писателя, знаешь — песня не будет.

За его драматургию нельзя браться невооруженным, она требует глубокого знания жизни, глубокой культуры: от артистов — духовной мощи, от режиссера — высокого философского мышления.

Зато, многого требуя от нас, она и одаривает многим. Все, кто прошел через леоновское творчество, — артисты, режиссеры, художники, композиторы, — обязаны Леонову открытием огромного жизненного богатства. Вот почему, когдаходишь в его театр, нужно прежде всего в него очень поверить — это гарантия успеха.

плохой драматургией. Это взаимное уничтожение. Кто прикоснулся к творчеству этого художника, уже не прощает равнодушия и близости в искусстве.

Писатель и сам работает упорно, серьезно, с огромной требовательностью к себе — он этому научился у великой нашей русской литературы. Но и с ним надо работать вот так — на пределе всех сил.

Театр Леонова не терпит безответственности. Я не представляю, как в его пьесах можно допустить отсебятину, вставить хоть одно слово — нарушишь музыку. Вот какая это драматургия! В его пьесах переставить фразу — проблема, не говоря уже о монтаже сцен. Слово переставишь — уничтожишь высокий смысл.

Когда мы идем слушать Бетховена, Вагнера, Чайковского — это особый настрой. Театр Леонова требует подобного высокого настроения. Идете в этот театр — значит идете на встречу с большим художником. Он заставляет думать, думать, думать.